

А

Луначарский А. В. О Театре Мейерхольда // "Горе от ума" на русской и советской сцене: Свидетельства современников / Ред., сост. и авт. вступ. ст. О. М. Фельдман. -- М.: Искусство, 1987. -- С. 277--278.

http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/te/98_te.htm

А. В. Луначарский.

О Театре Мейерхольда.

"Комсомольская правда", 1928, 14 сентября.

[...] Театр Мейерхольда под его руководством проделал значительную эволюцию. От абстрактного, в значительной степени формального, хотя и сильно заряженного, так сказать, механически вложенным туда митинговым материалом театра Мейерхольд все более подходил к социально-исследующему театру и добился значительных успехов в таких спектаклях, как "Лес", "Бубус" и "Мандат", а затем остановился перед дальнейшими задачами.

На мой взгляд, в высшей степени знаменательно свидетельствует о чуткости Мейерхольда и его способности идти вперед то обстоятельство, что он не смог целиком удовлетвориться революционно-бытовым театром, которому сейчас принадлежит *вполне законно* такое большое место в нашей художественной жизни. Чувствуя себя зрелым артистом, способным к постановке более сложных, шире охватывающих проблем, Мейерхольд наметил для себя на определенный промежуток времени задачу "активизации" классического театра. Великие шедевры прошлого не напрасно пользовались громадным успехом, не напрасно многие из них рассматривались как прогрессивное начало, как бродило, даже как революционный элемент в теле прошлой общественности.

Очень часто, однако, эта прошлая общественность обезображивала, опошливала, рутинно замызгивала облик больших классических произведений и, в лучшем случае, не находила того нового, яркого света, который заставил бы эти произведения запеть по-новому.

Нашему времени надлежит, не отрываясь от культурного прошлого (об этом ведь и спору теперь нет), уметь представить старые ценности либо, по меньшей мере, совершенно освобожденными от буржуазной тины, которая их покрыла, либо, если на это хватит сил, обновив их, влив в их могучую кровеносную систему нашу новую, гораздо более красную и активную кровь.

В очень крупных произведениях классиков интересно именно то, что поставленные ими проблемы весьма широки и многообъемлющи. Классик может надеть на свои персонажи маски своей современности или даже какой-нибудь прошлой эпохи, но сущность типов и положений таких пьес обыкновенно бьет гораздо дальше и символизирует собою явления гораздо более многозначительные. Недаром Маркс знал наизусть Эсхила. Не думайте, что Маркс делал это из какого-то своеобразного дилетантства или эстетического гурманства. Нет, порою он брал ту или другую цитату из греческих классиков или любимого им Шекспира для меткой характеристики такого, например, гигантского явления, как золото в качестве денег, и т. п. Частная собственность и выросший на ее почве звериный эгоизм во всех его формациях, изуродованный человек в результате тысячелетней жизни в изуродованном обществе -- это ведь не только выходит за пределы каждой отдельной эпохи, но является проклятым наследием и наших дней.

Вот почему часть нашей общественности приветствовала идею Мейерхольда -- совершенно по-новому вскрывая эти глубины, эту широкую значительность -- переработать сценически величайшие произведения прошлого.

Однако эту задачу поняли не все.

Такой спектакль, как "Ревизор", отнюдь не снискал Мейерхольду расположения аполитичной части нашей публики, и в то же время от него (временно) отошли симпатии тех, кто еще не мог понять значительности этого спектакля или не захотел. Начались вполне искренние и на своем месте естественные, но объективно вредные пересуды о мистицизме мейерхольдовского спектакля, об уходе Мейерхольда от революционного театра. На нервного и чуткого артиста все это произвело удручающее впечатление.

Дальше уже начинаются вины самого Мейерхольда, хотя вины, так сказать, "безвинные". Первой из них было то, что он как будто в некоторой степени лишился крепкой энергии, которая его раньше